

Читаем литературно-художественные журналы
Выпуск 8-й.
ЖУРНАЛ «ЗВЕЗДА»

Дорогие коллеги, в 8-м Выпуске совместного Проекта Центра чтения РНБ, журнала «Библиотечное дело» и литературно-художественных журналов предлагаем вам познакомиться с тем, что будет опубликовано в ближайшее время хорошо известном журнале «Звезда».

На этом мы завершаем публикацию материалов, полученных нами от наших партнеров из редакций литературно-художественных журналов, в которых содержится информация о том, что будет опубликовано на их страницах в 2010 году.

Подписка закончилась, библиотеки сделали свой выбор. Каков он? Этот вопрос интересует и нас, и авторов публикуемых произведений, и сами журналы. Нужна ли вам такая информация, помогает ли она при работе с читателями?

Мы ждем ваших откликов. Особое спасибо тем коллегам, кто уже выразил желание принять участие в нашем проекте.

ИСКРЕННО ВАШ, ЦЕНТР ЧТЕНИЯ РНБ

Контактная информация: e-mail: consult@nlr.ru; тел. (812) 710 57 85.

Координаторы проекта: Людмила Валентиновна Глухова, Ольга Сергеевна Либова

ЖУРНАЛ «ЗВЕЗДА»

«Звезда» - старейший из литературных и общественно-политических журналов России – выходит 86 лет подряд, не остановленный ни блокадой, ни известным сталинско-ждановским постановлением 1946 года, ни инфляцией начала 1990-х, ни падением тиражей в начале нового века. По-существу вся отечественная литература – от М. Горького, Ахматовой, Пастернака, Зощенко до Солженицына, Бродского, Довлатова прошла через «Звезду». И сегодня имена самых видных писателей вместе с начинающими свой путь молодыми дарованиями составляют ядро прозаических и поэтических публикаций журнала. Вместе с тем «Звезда» представляет современную отечественную культуру как некое цельное явление, не мыслимое без обращения к нашей истории, причем истории в ее самых драматических узлах, до сих пор не развязанных и не разрубленных. Именно поэтому в «Звезде», единственном из всех журналов, постоянно действует рубрика «Россия и Кавказ», к которой можно отнести и масштабное повествование Якова Гордина «Ермолов: Солдат и его империя». Начатое в последних номерах 2009 года, оно будет продолжено в 2010 году главами об участии Ермолова в войне против Наполеона. С кровопролитного сражения при Прейсиш-Эйлау начался взлет его военной карьеры, когда он стал начальником Главного штаба и героем Бородине. Далее последовал его «звездный период», десятилетнее

командование Кавказским корпусом. А дальше, как это случается в России, грубая отставка и почти тридцатилетнее мучительное бездействие.

Драматической истории своей семьи посвятил книгу «Нас было трое» Игорь Золотусский, известный московский писатель и литературовед. В трехлетнем возрасте, в 1933 г., привезенный отцом в Берлин, он видел пылающий рейхстаг, в раннем «счастливым» детстве побывав во многих странах мира. Его отец, резидент советской разведки, часто брал с собой за границу жену с сыном, чтобы отвести от своей личности подозрения в нелегальных действиях... Увы, арестован он был не западными спецслужбами, а советскими – в 1937 году, следом взяли и мать Игоря. Мальчика отправили в Свято-Данилов монастырь, переоборудованный под детский приемник-распределитель ГУЛАГа...

Не менее драматична и история семейства священников Боголюбовых, о которых повествует в финальной части своей эпопеи «Там, где престол сатаны» (первые ее книги печатались в «Звезде» в 2003, 2004, 2007 гг.) Александр Нежный. Финальная часть эпопеи – «Завещание» – завершает проходящую через все повествование сюжетную линию с реальным завещанием патриарха Тихона, последователи которого в советские годы были наиболее гонимой частью русского православного священства.

Из крупных прозаических произведений 2010 года отметим повесть известной во всем мире своим произведениями о гетто Марии Рольникайте «Без права на жизнь», романы петербургских писателей Владимира Кавторина «Чужая собственная жизнь», Владимира Симонова «Отрывистая осень», и относительно молодой, но уже успевшей опубликовать в «Звезде» рассказы о сегодняшних похождениях наших соотечественников в Англии (2003, № 6) Нины Щербак. В 2010 году публикуется ее «Роман с филфаком» - о страстях, которыми обуреваемо современное студенчество, об их нравах. Литературную подоснову имеет и повесть Ирины Чайковской «Дело о деньгах» - о судьбе Авдотьи Панаевой и ее отношениях с Некрасовым.

Близка к публицистике проза поэта Владимира Британишского «Из сибирских записей».

Из мемуарных вещей в 2010 году продолжится публикация книги академика Вяч. Вс. Иванова, с детских лет знакомого с Борисом Пастернаком и все десятилетия этого знакомства ведшего дневниковые записи разговоров с ним. Легшие в основу книги Вяч. Вс. Иванова «Перевернутое небо» дневниковые записи вписаны в общий контекст литературной жизни целой эпохи. Также несомненную культурную ценность представляет собой и публикация переписки Льва Гумилева с Анной Ахматовой, подготовленной работниками РНБ под руководством Наталии Крайневой.

Живой свидетель и участник ленинградско-петербургской жизни, крупнейший специалист по творчеству Марины Цветаевой Ирма Кудрова передала «Звезде» свою «повесть о жизни» под тургеневским заглавием «Накануне». Это мемуары о Ленинградском университете, о Пушкинском Доме, о «Звезде», в которой Ирма Викторовна работала в 1970-е годы. В портфеле редакции также «Воспоминания о Юлии Даниэле» Ирины Уваровой-Даниэль, мемуарное повествование Аллы Подрабинек «По пути к Большой Медведице», воспоминания о судьбе известного писателя Валентина Овечкина, написанные его сыном Валерием Овечиным.

Из историко-публицистических материалов нельзя не отметить «Другую войну» Леонида Иванова – об Афганистане, «Слугу двух господ» Элеоноры Йоффе – о двойном агенте в Финляндии К. Пушкареве, материал об английских клубах «Всегда закрытые» Леонида Владимировича...

Несомненно интерес представляет и военная биография Николая Гумилева, впервые воспроизводящая по архивным, строго документированным материалам его участие в Первой мировой войне. Автор его – московский ученый Евгений Степанов. Множество материалов в первом полугодии так или иначе связано с 65-летием победы в Великой отечественной войне и еще с одним юбилеем – 70-летием Иосифа Бродского.

Сохраняются в «Звезде» 2010 года все традиционные журнальные рубрики: «Новые переводы», «Исторические чтения», «Уроки изящной словесности», «Философский комментарий», «Мнения», «Люди и судьбы», «Беседы в Петербурге», «Из города Энн» и др. В каждом номере публикуются стихи как известных поэтов, таких, например, как Александр Кушнер, так и совсем молодых, впервые попадающих на страницы журнала.

Все, что печатается в «Звезде», – *публикуется впервые*, ничто уже опубликованное когда бы то ни было и где бы то ни было журнал не перепечатывает. Вот один из примеров. Известнейший прозаик советской поры, член знаменитой литературной группы «Серапионовы братья», Михаил Леонидович Слонимский, оказывается, вел записи о черных днях своей жизни, о трагических событиях, рассказать о которых в советские годы было невозможно. Этот его дневник, с одним из фрагментов которого сейчас познакомятся читатели «Библиотечного дела», передан в редакцию «Звезды» сыном писателя, композитором Сергеем Слонимским и будет полностью опубликован в первой половине 2010 года.

Из дневниковых записей М. Л. Слонимского

Постараюсь вспомнить факты последних лет жизни Горького, свидетелем которых я был. Хотелось бы восстановить обстановку в доме Горького, которая менялась от широко демократической к какой-то необычной, загадочной, странной.

В доме Горького приблизительно с 1933 года стал ощутимо господствовать Ягода и его подручный Крючков. Надо прибавить к ним также Авербаха, родственника Ягоды.

Ягода — человек с длинным лицом, тяжелым взглядом, сумрачный, как потемневший старинный средневековый портрет итальянского или испанского вельможи. Ему бы ленту через плечо — и сходство было абсолютным. Держался прямо, поэтому казался выше ростом, чем был. Однажды я видел его в темном плаще, в этом виде он казался до дрожи ожившим средневековым портретом. Он постоянно бывал у Горького, все чаще и чаще.

В 1933 году стоял вопрос о кооптации Авербаха в Оргкомитет. Продвигал Ягода. На встречу со Сталиным и членами Политбюро созвали писателей, но мне и Тихонову сообщили так поздно, что мы успели только на следующий день. Мы сидели у Горького, когда вошел Ягода. Поздоровался с Горьким, на нас взглянул, но ничего не сказал и руки не протянул. Повернулся и пошел прочь. Горький явно встревожился и пошел вслед:

-Это Тихонов и Слонимский. Вы с ними знакомы.

-Знал их, — отозвался Ягода и вышел.

Горький поднялся и пошел за ним. Не знаю, что он объяснял Ягоде, но вернулся немного успокоенный, а Ягода с той поры вновь здоровался с нами — мрачновато, но здоровался. Он был осведомлен, что мы против Авербаха. Неприятно, когда начальник ГПУ с тобой не здоровается. Что руководило Ягодой в продвижении Авербаха в руководство писателей, кроме родственных отношений — не знаю, могу только догадываться.

После съезда к Горькому невозможно стало пробиться. Приходишь — а в первой же комнате, в углу, за большим столом, компания молодых людей с бицепсами, хорошо одетых, во главе с П. П. Крючковым. И сразу поднимаются двое или трое, становятся на пути. Крючков и еще кто-нибудь кричат:

- А! Сюда!

А на столе — коньяк, вина, ликеры, богатая закуска.

И попадаешь в плен. Не вырваться. Рассказы, случаи из жизни, подливают в рюмку. Как-то, когда я пришел, там, помню, были в плену такие мамонты, как Вс. Иванов, М. Кольцов. И они были столь же беспомощны, как и я.

Однажды мы, /не помню, кто был со мной,/ пошли к Горькому с Пришвиным. Говорили:

- Вас эти бандиты не посмеют задержать. Вы классик, у Вас борода, пройдемте, а мы подождем, нас не пропустят. И действительно — нас взяли в плен, а Пришвин, глядя поверх голов, прошел.

Минут через 50 /а может быть, через час/ он вышел. Мы встали и — за ним.

На улице Пришвин рассказал:

-Алексей Максимович все видит. Он говорит, что изолирован, в плену, в заключении...

То же самое рассказывал и В. А. Десницкий.

Как-то вечером я, тщетно пытаюсь прорваться к Горькому, ходил по комнате, как бы невзначай то и дело продвигаясь к двери, за которой видна лестница наверх, к Алексею Максимовичу. И вдруг слышу шаги, подхожу — по лестнице спускается Горький. Только я хотел шагнуть к нему, как вырос хорошо одетый человек и, протянув руки вперед, заговорил ласково и убеждающе:

- Алексей Максимович, уже поздно, вам вредно...

Казалось, что сейчас тронет грудь А.М. протянутыми руками, толкнет назад.

Впервые увидел я, как лицо Горького стало лицом тигра. Широко распахнув рот, он рывкнул, да, он издал рык, а не сказал что-либо. И протянул руку, чтобы отвести охранника. Тому пришлось отступить./То-то влетело ему потом от Ягоды!/ А Горький подошел к столу, ни с кем не поздоровался, ни на кого не поглядел, сел, придвинул коробку с папиросами, взял одну, и до сих пор я помню, как дрожали его никогда не дрожавшие пальцы, когда он, чиркнув спичкой, закуривал. И молчал, и все молчали. А

потом кто-то как ни в чем ни бывало заболтал, кто-то запел, и пошли обычные шум и пляс.

Горький был — как в тюрьме. Близких друзей к нему, как правило, не пускали. Вечно при нем, старом человеке, были Ягода, Крючков, Авербах. Что он думал? Что писал? Что уничтожено /вполне возможно/ из написанного? Трудно ответить.

Мы называли компанию Ягоды бандитами: «бандиты опять не пустили», «так опять же там будут эти бандиты!» и т.д. Какое же было впечатление у нас, когда мы это слово «бандиты» прочли в газетах, обвинявших их в убийстве Горького! Вот на такую почву пало обвинение в убийстве.